

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.11>

УДК 81'37
ББК 81.003

Дата поступления статьи: 18.05.2016
Дата принятия статьи: 05.08.2016

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОТЧАЯНИЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Андрей Евгеньевич Бочкарев

Доктор филологических наук,
профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
abotchkaev@hse.ru, bochkarev.andrey@mail.ru
ул. Большая Печерская, 25/12, 603155 г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются способы и средства отображения отчаяния в русской языковой картине мира. Руководствуясь эмпирическим опытом, изучать эмоциональные концепты можно, безусловно, и по так называемым эмпирическим правилам смысла путем аппроксимации к собственным переживаниям, но утверждать, как оформляется их содержание в языке, можно только по засвидетельствованным словоупотреблениям. В результате обобщения данных Национального корпуса русского языка установлено, что пропозициональная модель, по которой характеризуется наше знание об отчаянии, включает пропозициональную информацию о том, что в наиболее привычных своих проявлениях отчаяние охватывает, овладевает и даже убивает. В метафорической проекции отчаяние определяется в отношении к представителям других предметных областей, в том числе какому-то исчисляемому ресурсу, водному потоку и живому существу, задающим в той или иной степени выбор присоединенных предикатов. По аналогии с ресурсом отчаяние *копится*, по аналогии с водным потоком – *переполняет*, *выплескивается* и *захлестывает*, по аналогии с живым существом – *шевелится*, *наваливается* и *терзает*. Причем такое метафорическое словоупотребление кажется настолько привычным, что говорящие не обращают внимания на метафоричность выражений вида *прилив отчаяния* или *побороть отчаяние*, а принимают их за объективную характеристику данного эмоционального состояния.

Ключевые слова: языковая картина мира, эмоциональные концепты, корпусная семантика, пропозициональная модель, метафорическая модель.

Эмоциональное состояние человека описывается обычно в терминах чувств и эмоций, при этом философия в основном изучает связь эмоций с человеческими потребностями и смыслом жизни; психология – возможности эмоций направлять и регулировать поведение человека; этнопсихология – национальную специфику эмоциональной концептосферы; эстетика – эмоциональное переживание произведений искусства; лингвистическая се-

мантика – способы и средства отображения эмоциональности в языке [2–5; 8; 9].

Обратимся непосредственно к отчаянию как наименее изученному, но оттого не менее значимому концепту эмоциональной сферы жизни человека с целью установить, что подводится под обозначение данного эмоционального состояния в русской языковой картине мира и в чем, собственно, состоит его национальная специфичность.

В первом приближении под значение рус. *отчаяние* можно подвести эмпирический опыт как непосредственно данное нам в переживаниях опытное знание¹. Если обозначения переживания соотносятся действительно с состоянием переживания, определить значение обозначающих его выражений можно тогда и по отношению к переживаниям, которые испытывает говорящий. Например, когда некто, рассказывая о нанесенной ему обиде, говорит: *я вне себя от отчаяния*, – значение выражения *быть вне себя от отчаяния* можно привести в соответствие с внутренним состоянием говорящего; причем именно таким состоянием, которое обозначается посредством данного выражения. Чтобы понять, собеседнику не остается в таком случае ничего другого, как сообразоваться с собственным переживанием означенного состояния, а затем только судить, насколько адекватным в условиях данной ситуации является подобное словоупотребление. Аналогом значения становится, таким образом, собственное переживание², сопоставленное с другими подобными переживаниями (ср.: [6, с. 76]), а избираемой по случаю процедурой анализа – так называемые эмпирические правила смысла [1, с. 76–78; 7, с. 56; ср.: 6, с. 69–77, 87–90, 166–182, 300–306].

Такое, на первый взгляд, простое решение неприемлемо для лингвистической семантики, и не только потому, что субъективные переживания вариативны и разнообразны, но прежде всего потому, что наряду с эмпирическим опытом говорящие руководствуются еще и речевым узусом, предписывающим, как высказываться и какие языковые выражения избирать для описания того или иного переживания. Поэтому утверждать, каким является содержание эмоционального концепта в языке, можно только по засвидетельствованному в языковых произведениях словоупотреблению.

Национальный корпус русского языка позволяет, в частности, установить, что содержание анализируемого эмоционального концепта (свыше тринадцати тысяч вхождений) раскрывается в качестве переменной величины в соответствии с основными паттернами проявления отчаяния.

С симптоматикой исследуемого эмоционального состояния коррелируют, в частно-

сти, засвидетельствованные в корпусе указания на **лицо**: *...лицо Гули выражало полное отчаяние* (Е. Ильина. Четвертая высота. 1945); *...и на ее лице Митя читал отчаяние* (В.П. Катаев. Уже написан Вертер. 1979); *На Ирочкином хорошеньком лице было написано такое отчаяние, что мне стало ужасно жаль ее* (А. Маринина. Черный список. 1995); **глаза**: *...и в глазах у него отчаяние* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Пикник на обочине. 1971); *В глазах у него застыло отчаяние* (В. Аксенов. Остров Крым (авторская редакция). 1977–1979); *Отчаяние застигло ему глаза* (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона. 1997); **голос**: *...потом он надолго замолчал, а затем голосом, полным отчаяния, но все же протяжным, произнес* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. 1960); *В голосе ее прорвалось отчаяние* (А.Н. Арбузов. Мой бедный Марат. 1964–1980); *Да в чем я виноват? – в голосе слабость и отчаяние* (Ю.М. Нагибин. Моя золотая теща. 1994); **сердце**: *...вдруг ее сердце переполнилось тоской, отчаянием* (В. Гроссман. Все течет. 1955–1963); *...сердце у меня ныло от отчаяния* (В.П. Катаев. Юношеский роман. 1980–1981); **грудь**: *Как будто внутри, в груди отчаяние ее материализовалось, и только оно диктовало слова и интонацию* (О. Новикова. Женский роман. 1993); *Отчаяние не помещалось в груди, было намного больше задыхавшегося Печигина* (Е. Чижов. Перевод с подстрочника. 2012); **душу**: *Душу заполнили ненависть и отчаяние* (И. Черных. Портрет. 1978); *...здесь никто ничего не знал и не мог знать о человеке, переполнившим ее душу этим страшным отчаянием* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Жук в муравейнике. 1979); *...отчаяние и нежность захлестнули ее душу* (П. Проскурин. В старых ракетах. 1983).

В соответствии со сложившимся употреблением пропозициональная модель, характеризующая наше знание об отчаянии, содержит информацию о том, что отчаяние **испытывают**: *Временами Маруся испытывала полное отчаяние* (С. Довлатов. Иностранка. 1985), что в отчаяние **приходят**: *На один миг пришел в отчаяние* (В. Брагин. В стране дремучих трав. 1962), **впадают**: *Самое главное – не впасть в отчаяние* (И. Грекова. Пере-

лом. 1987), что в отчаяние можно **ввергнуть**: *...мысль эта ввергла Андрея в отчаяние* (А.И. Алдан-Семенов. Красные и белые (1966–1973), **повергнуть**: *И услышанное повергало его в отчаяние* (П. Нилин. Интересная жизнь. 1969–1980), что отчаяние **охватывает**: *...когда вас охватит отчаяние, приходите к нам, благоразумным, чай пить* (В. Шукшин. Обида. 1970–1972), **зреет**: *Оно похоже на яичную скорлупу, внутри которой зреет усталость, отчаяние, гнев* (Ю. Коваль. Недопесок. 1975), **овладевает**: *...мною потихоньку овладевало отчаяние* (В. Шукшин. Из детских лет Ивана Попова. 1960–1971), **берет, забирает**: *Но как же он раньше не сказал?! Отчаяние, отчаяние взяло!* (А.И. Солженицын. Настенька. 1993–1995); *Отчаяние забрало Данилова* (В. Орлов. Альтист Данилов. 1980), куда-то **забрасывает**: *Антипов думал: «Далеко же забросило их отчаяние!»* (Ю.В. Трифонов. Время и место. 1980), **разрушает**: *Но чувствую, что силы меня покидают: мне больше 60-ти лет, я перенесла тяжелый инфаркт, отчаяние меня разрушает* (Э. Герштейн. Анна Ахматова и Лев Гумилев. 1994–2002), **клокочет**: *...как подземные воды, клокотало отчаяние, причин которого он не понимал* (Д. Быков. Орфография. 2002), **приливает**: *И в ту же минуту я ощутил прилив бесильного отчаяния* (М.П. Арцыбашев. Жена. 1905), **изливается**: *Его отчаяние излилось в нескончаемых апофегах, изречениях, пословицах, ярко рисовавших и злую жену, и собственную его беду* (В. Лобачев. Жена мужу венец. 2011), **захлестывает**: *...его захлестнули отчаяние и ярость* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. 1960), **засасывает**: *...он чувствовал, как отчаяние засасывает его в темную глубь* (А. Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы. 2013), **пугает**: *Ее отчаяние пугало меня* (С. Довлатов. Заповедник. 1983), **парализует**: *Отчаяние парализует* (О. Новикова. Каждый убивал. 2012) и даже **убивает**: *...есть надежда, без которой отчаяние убило бы жизнь* (Г. Троепольский. Белый Бим Черное ухо. 1971).

Отчаяние различается:

– **по степени охвата**, оно может быть **полным**: *Такая философия привела Любовина в полное отчаяние* (П.Н. Краснов. От

Двуглавого Орла к красному знамени. 1922); **глубоким**: *Господи! – в глубоком отчаянии восклицает* (А. Битов. Заповедник. 1991); **глубочайшим**: *Это был момент потрясения, глубочайшего отчаяния* (Г. Жженов. Прожитое. 2002); **беспредельным**: *Беспредельное отчаяние перед вечной жизнью* (Д. Рубина. Камера наезжает. 1993–1994); **безграничным**: *...сквозь плач донесся возглас безграничного отчаяния* (С. Довлатов. Иностранка. 1985); **бездонным**: *...подступало бездонное, безвылазное отчаяние* (Г.Н. Владимов. Генерал и его армия. 1994) и даже **космическим**: *Какому такому космическому отчаянию он предавался, что не смог разглядеть того, что разглядела его охрана?* (Т. Устинова. Персональный ангел. 2002);

– **по продолжительности**, оно может быть **минутным**: *Когда он у себя дома, он впадает в минутное отчаяние* (В. Маканин. Стол, покрытый сукном и с графином посередине. 1993) или **вечным**: *В этих ни на что не похожих, неуклюжих стихах мы вдруг ощутили вечное отчаяние колченогого, предчувствие его неизбежного конца* (В.П. Катаев. Алмазный мой венец. 1975–1977);

– **по силе воздействия**, оно может быть **совершенным**: *...вот, когда я уже пришел в совершенное отчаяние* (И.М. Дьяконов. Книга воспоминаний. 1929–1932); **разрушающим**: *... отчаяние меня разрушает* (Э. Герштейн. Анна Ахматова и Лев Гумилев. 1994–2002); **неистовым**: *...внезапно овладело им неистовое отчаяние* (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона. 1997); **гнетущим**: *В последнее время люди вызывали у него гнетущее отчаяние* (С. Коковкин. Кольцо. 2002); **яростным**: *Мышь бросился в битву с жутким криком, полным такого яростного отчаяния, что стражники невольно подались в стороны* (М. Семенова. Волкодав: Знаменные пути. 2003); **тупым**: *Герцен не мог одолеть тупого отчаяния, которое овладело им против его воли* (Ю. Сычева. Люблю свой гнев. 2003); **безысходным**: *Безысходное отчаяние звучало в этом голосе* (Л. Юзефович. Дом свиданий. 2001); **безутешным**: *...безутешное отчаяние* (О. Ронен. Отступление. 2002); **бессильным**: *Это бессильное отчаяние* (А. Солженицын. В круге первом. 1990); *...Савченко со злым и бессильным*

отчаянием резко развел длинными костистыми руками (С. Бабаян. Ротмистр Неженцев. 1995–1996); *В бессильном отчаянии я принялся колотить по двери* (М. Елизаров. Библиотекарь. 2007); **кротким**: *...кроткое отчаяние, но и короткое тоже* (М. Чулаки. Примус. 2002); **легким**: *Уселся на лавочку в сквере, закурил и в легком отчаянии подумал, что опять ему совершенно нечем заняться* (О. Дивов. Выбраковка. 1999); **неопределенным**: *На Гаврилу действительно порой находило какое-то отчаяние* (С.Т. Семенов. Гаврила Скворцов. 1904); **невъязымым**: *...невъязымое отчаяние героини, смута и ужас* (А. Смелянский. Концерт для скрипки с оркестром. 1990–2000).

Для осмысления сценария отчаяния особо значимы также и обусловившие его причины. Поводом к отчаянию служит, как правило, все, что расходится с ожиданиями или не соответствует какой-то возведенной в абсолют норме, а именно:

– **несправедливость**: *Ну как тут не прийти в отчаяние, как не писать о мужике, как не спасать его, как от отчаяния не запить!* (В. Ерофеев. Москва – Петушки. 1970);

– **равнодушие**: *Она не могла бы прийти в такое отчаяние из-за человека, к которому равнодушна* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Жук в муравейнике. 1979);

– **отсутствие понимания**: *...придешь тут в отчаяние, если свои тебя не понимают* (В. Аксенов. Остров Крым (авторская редакция). 1977–1979);

– **неизвестность**: *Многих из команды это приводило в отчаяние, они не знали, что делать, как не знали и того, долго ли будут находиться в таком положении* (А.С. Новиков-Прибой. Цусима. 1932–1935);

– **ощущение собственного бессилия**: *...бессилье приводит к отчаянию* (А.И. Алдан-Семенов. Красные и белые. 1966–1973);

– **разлука с близкими**: *А кто опишет отчаяние этого движения, удаляющего от жен, эти ночные исповеди под железный стук колес и скрип вагонов, покорность, доверчивость, это погружение в лагерную бездну; письма, выбрасываемые из тьмы теплушек в тьму велико гостепного почтового ящика, и ведь доходили!* (В. Гроссман. Все течет. 1955–1963);

– **потеря чести**: *Привлекательное, хотя и жестковатое лицо светловолосой Людды передало отчаяние обесцещенной девушки* (А. Солженицын. В круге первом. 1968);

– **житейские невзгоды**: *...не забуду, что самое страшное отчаяние в моей жизни было, когда плохо повешенный мною на гвоздик тазик в уборной рухнул и расколол смывной бачок в час ночи* (А. Терехов. Коммуналка. 1995–2005);

– **неблагоприятное положение дел**: *Бибиков даже при поверхностном знакомстве с положением дел в Казанской губернии пришел в отчаяние* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. 1939–1945);

– **стечение обстоятельств**: *Понимаете, когда попадаешь уж в очень дурное положение и устаешь бороться, действительно, бывает, придешь в отчаяние* (Ф. Кнорре. Весенняя путевка. 1971);

– **дрязги**: *Поначалу их дразги бесили Руслана, повергали в отчаяние, но потом он перестал на них и откликаться* (Г. Владимов. Верный Руслан. 1963–1965);

– **плохие новости**: *Узнавали новости о близких, приходили в отчаяние* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы. 1980–2006);

– **беспорядок**: *Он в последнее время чувствовал какое-то отчаяние от беспорядка и грязи в своей жизни* (П.С. Романов. Русь. 1922);

– **безденежье**: *Денег у нас не было. Пришел момент, когда наступило отчаяние* (В. Сидур. Памятник современному состоянию. 1973–1974);

– **старость и приближающаяся смерть**: *...если в одних элегиях преодолевается отчаяние, связанное с восприятием жизни как страшной стихии, то в других – отчаяние, порожденное мыслью о старости и неотвратимости смерти* (Ф. Раскольников. Статьи о русской литературе. 1986–2000);

– **физические недостатки**: *Кривоватые – тоже от отца – ноги приводили его в отчаяние* (В.А. Каверин. Освященные окна. 1974–1976).

В соответствии со сложившимися в культуре представлениями рус. отчаяние входит в отношения импликации с **тоской**: *Он сла-*

беет, мечется, впадает в тоску и отчаяние (И.А. Гончаров. Опять «Гамлет» на русской сцене. 1875); *Отчаяние, тоска, ненависть захлестывали его* (А.И. Алдан-Семенов. Красные и белые. 1966–1973); **печалью**: ...такое отчаяние, такая печаль (С. Есин. Имитатор. 1985); **горечью**: *И мне послышались в его голосе горечь, усталость, почти отчаяние* (А. Вайнер, Г. Вайнер. Лекарство против страха. 1987); **тревогой**: *Раздражение и жалость, отчаяние и тревога терзали парня* (В. Астафьев. Царь-рыба. 1974); **безнадежностью**: ...отчаяние и безнадежность. *И никакой радости* (А. Маринина. Мужские игры. 1997); **усталостью**: *Была в нем смертельная усталость и черное, беспросветное отчаяние* (Л.Н. Андреев. В подвале. 1901); *Оно похоже на яичную скорлупу, внутри которой зреет усталость, отчаяние, гнев* (Ю. Коваль. Недопесок. 1975); **смятением**: *Она сообразила это позже, когда улеглось и первое отчаяние, и первое смятение* (Б. Васильев. Были и небыли. 1988); **сомнениями**: *Глубокое отчаяние охватило ее тогда, тоскливое сомнение: да на что же уходит ее жизнь?* (С. Соловейчик. Ватага «Семь ветров». 1979); **страхом**: *Страх, слепое отчаяние и нежность захлестнули ее душу* (П. Проскурин. В старых ракетах. 1983); ...страх и отчаяние достигли апогея (А. Маринина. Стечение обстоятельств. 1992); **ужасом**: ...вскоре ужас и отчаяние охватили меня (М.А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман). 1936–1937); *Зверь ждал крика такого, что он загремит по всему лесу, и от крика того, в котором вместе смешанные ужас и отчаяние выдадут страх* (В. Астафьев. Царь-рыба. 1974); **гневом**: *Оно похоже на яичную скорлупу, внутри которой зреет усталость, отчаяние, гнев* (Ю. Коваль. Недопесок. 1975); **ненавистью**: *В эти слова вкладывались и страх, и ненависть, и полное отчаяние* (И. Курчавов. Соглядатай. 1977); **злостью**: *Федора охватывала глухая злоба и отчаяние* (В. Шукшин. Артист Федор Грай. 1960–1971); ...взглядывая на Афанасия то со злобным отчаянием, то с испугом, то с мольбой (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов. 1971–1977); **яростью**: ...его захлестнули отчаяние и ярость (В. Гроссман.

Жизнь и судьба. 1960); *Правда, большинство из них совсем не признавали Бунина как поэта, что приводило меня в отчаяние и даже какую-то детскую ярость* (В.П. Катаев. Трава забвенья. 1964–1967); **болью**: ...тоска, боль, отчаяние жили в них (А.И. Алдан-Семенов. Красные и белые. 1966–1973); ...и боль, и отчаяние (В. Кондратьев. Сашка. 1979); **физическим страданием**: ...и белое ее лицо, ровно подсвеченное неоном, выражало отчаяние, беспомощность, физическое страдание (Ю. Бондарев. Берег. 1975); **стыдом**: *Отчаяние охватило ее с новой силой, и стыд перед отцом сжигал и мучил, стоило лишь ей представить, как он там ждет, как надеется, что наконец и ему перепадет от ее фантастических удач* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов. 1971–1977); *Детей воспитывать, повергая в стыд и отчаяние?* (А. Терц. Трактат о мышках и о нашем непонятном страхе перед мышками. 1991); **унижением**: ...все отчаяние и унижение последних месяцев поднялись и забушевали в его душе (С. Бабаян. Господа офицеры. 1994); **безразличием**: ...ею все больше овладевало тупое отчаяние и безразличие, боже мой, – зачем куда-то возвращаться, куда-то ехать (П. Проскурин. Черные птицы. 1983); **алкоголем и пьянством**: ...как от отчаяния не запить! (В. Ерофеев. Москва – Петушки. 1970); *Нельзя облегчать отчаяние алкоголем* (В. Ерофеев. Из записных книжек. 1958–1990); **предчувствием конца**: *Это значило: конец, полное отчаяние* (Ю.В. Трифонов. Старик. 1978); **смертью**: *Предсмертное отчаяние пришло не потому, что он понял, что мир не теплое уютное место, где все дружно стремятся к прогрессу, но потому, что «он увидел, что был не прав, отвернувшись от артистизма, искусства, творческой прозы»* (Н.Н. Берберова. Железная женщина. 1978–1980) и даже **любовью**: *Он это понимал, однако так, что, как же он все-таки любит и как нечего с этим делать, как ничего не поделать, и какое же это глубокое и нетребовательное отчаяние – любовь* (А. Битов. Ле. 1960–1980).

В метафорическом отображении рус. отчаяние переосмысливается в зависимости от избираемой по случаю установки мне-

ния и в терминах какого-то исчисляемого ресурса, и в терминах водного потока, и в терминах живого существа, и в терминах пресмыкающегося, и в терминах режущего предмета, так или иначе определяющих выбор присоединенного предиката. Такое словоупотребление становится настолько привычным, что говорящие не обращают более внимания на метафоричность выражений вида *прилив отчаяния* или *захлестнуло отчаяние*, а принимают за объективную характеристику данного эмоционального состояния.

По аналогии с каким-то исчисляемым **ресурсом** отчаяние **копится**: *Накопленное отчаяние требовало немедленного выхода* (С. Данилюк. Бизнес-класс. 2003); *...накопившееся за неделю отчаяние* (Ю. Буйда. Город палачей. 2003); **переполняет**: *Но и сама Маша не понимала, почему вдруг ее сердце переполнилось тоской, отчаянием* (В. Гроссман. Все течет. 1955–1963); по аналогии с **водным потоком** – **захлестывает**: *В душной каморке с бревенчатыми стенами его захлестнули отчаяние и ярость* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. 1960); *Отчаяние, тоска, ненависть захлестывали его* (А.И. Алдан-Семенов. Красные и белые. 1966–1973); *...отчаяние и нежность захлестнули ее душу* (П. Проскурин. В старых ракетах. 1983); *...потом отчаяние опять захлестывало его, и он снова становился самим собой: нелюдимым, беспричинно жестоким волком* (А. Лиханов. Кикимора. 1983); **выплескивается**: *...и зарыдала с новой силой выплескиваемого отчаяния* (И. Муравьева. Ляля, Наташа, Тома. 1991); по аналогии с **живым существом** – **пугает**: *Ее отчаяние пугало меня* (С. Довлатов. Заповедник. 1983); **терзает**: *Раздражение и жalousть, отчаяние и тревога терзали парня* (В. Астафьев. Царь-рыба. 1974); **наваливается**: *Опять навалилось глухое отчаяние* (А. Маринина. За все надо платить. 1995); *...на нее снова навалилось отчаяние* (Ф. Искандер. Софичка. 1997), и его можно **побороть**: *И обида на Марью Ивановну, и насмешка над собой, и печальное примирение с неизбежностью, и мысли о долге перед Людмилой Николаевной и о спокойной совести – все это было лишь средством побороть свое отчаяние* (В. Гроссман. Жизнь и

судьба. 1960); по аналогии с **пресмыкающимся** – **ползет** и **заползает**: *В сердце его заполз страх и отчаяние* (М.А. Булгаков. Белая гвардия. 1923–1924), *Отчаяние заползло в сердце* (Г.Г. Белых. Лапти. 1929); по аналогии с **семенем** – **зреет** и **вызревает**: *Оно похоже на яичную скорлупу, внутри которой зреет усталость, отчаяние, гнев* (Ю. Коваль. Недопесок. 1975); по аналогии с **режущим предметом** – **режет**: *И в своей чинно прибранной комнатке Машенька ощутила режущее отчаяние* (В. Гроссман. Все течет. 1955–1963); *И от режущего отчаяния ему самому захотелось вызвать в другом человеке отчаяние* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. 1960). Причем для интерпретирующей семантики здесь важно не установить, соответствует ли такое представление истинному положению вещей³, а понять, почему в качестве вспомогательного объекта метафорической транспозиции в русской языковой картине мира избирается такой, а не какой-то другой объект, и насколько узуальным является данный способ представления.

Так приходим к принципиальным для семантики выводам:

– руководствуясь эмпирическими правилами, определять содержание эмоционального концепта можно и путем аппроксимации к собственным переживаниям, но утверждать, каким является его содержание в языке, можно только по засвидетельствованному в корпусе словоупотреблению;

– в соответствии со сложившимися в культуре представлениями пропозициональные установки, задающие наше знание об отчаянии, содержат информацию о том, что в отчаянии *впадают*, что в наиболее привычных своих проявлениях оно *охватывает, овладевает* и чуть ли не *убивает*;

– в русской языковой картине мира отчаяние входит в отношения импликации с *печалью, тоской, безнадежностью, сомнениями, смятением, безразличием, унижением, страхом, ужасом, ненавистью* и даже *любовью*;

– в метафорическом отображении рус. отчаяние определяется в терминах пропозициональной модели других предметных областей, в частности таких, как: «ресурс», «водный поток», «живое существо», «пресмыкаю-

шеся», «режущий предмет», – о чем свидетельствуют избираемые по случаю дескрипции вида *копиться* (ресурс), *переполнять* (жидкость), *клокотать*, *изливаться*, *захлестывать* (водный поток), *терзать* (живое существо), *ползти*, *заползать* (пресмыкающееся), *режущий* (нож) в функции семантического предиката;

– от выбора метафорической дескрипции зависит вкладываемый в высказывание смысл;

– интерпретантом метафорической дескрипции вида *отчаяние – это жидкость*, *отчаяние – это водный поток* или *отчаяние – это живое существо* служат сложившиеся в культуре мнения и представления (*doxa*) в функции прагматической пресуппозиции;

– взяв за достаточное основание мнение, нельзя не пересмотреть кардинальным образом и критерий верификации истинностного значения суждений. В системе общих мнений и представлений это соответствие тому, во что верит или с чем соглашается независимо от действительного положения вещей большинство членов данного языкового сообщества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аппроксимация к эмпирическому опыту целесообразна, если такой опыт является разделенным всеми или почти всеми представителями языкового сообщества, когда говорящие признают, что при ощущении, например, боли наиболее подходящим языковым выражением является *больно*. Критерием адекватности становится в таком случае «радикальный конвенционализм» (К. Айдукевич), готовность признать, что для конвенционального обозначения такого-то, пусть и субъективного, ощущения подходит именно это, а не какое-то другое языковое выражение.

² В качестве факта субъективного переживания значение субъективно, а в сравнении с другими субъективными переживаниями – интерсубъективно.

³ Разумеется, в условно-истинностном исчислении дескрипции вида *терзать*, *переполнять* или *захлестывать* представляются неприемлемыми и даже, можно сказать, ложными по сравнению с дескрипцией вида *прийти в отчаяние*. Но если о соответствии присоединенного предиката судить по засвидетельствованному в речевом обиходе употреблению, о сообразности пропозиции следует тогда судить лишь по тому, насколько узуальным является такое словоу-

потребление. Так преобразуется существенным образом верификационная модель значения. При сохранении общей корреспондентной основы на место истины ставится система общих мнений и представлений (*doxa*), то, во что *верит* независимо от реального положения вещей большинство представителей данного языкового сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айдукевич, К. Язык и смысл / К. Айдукевич // Логос. Философско-литературный журнал. – 1999. – № 7 (17). – С. 67–93.
2. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». – 2015. – № 1 (Лингвистика эмоций).
3. Выготский, Л. С. Учение об эмоциях / Л. С. Выготский // Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. – М.: Педагогика, 1984. – С. 92–318.
4. Изард, К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – СПб.: Питер, 2000. – 464 с.
5. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
6. Лосский, Н. О. Обоснование интуитивизма / Н. О. Лосский // Избранное. – М.: Правда, 1991. – С. 13–334.
7. Моррис, Ч. Основания теории знаков / Ч. Моррис // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 37–89.
8. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – М.: УРСС, 2012. – 208 с.
9. Эмоции в языке и речи: сб. науч. ст. / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. – М.: РГГУ, 2005. – 335 с.

ИСТОЧНИКИ

Национальный корпус русского языка: [информ.-справ. система]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>. – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Aydukewich K. Yazyk i smysl [Language and Meaning]. *Logos. Filosofsko-literaturnyy zhurnal*, 1999, no. 7 (17), pp. 67-93.
2. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Lingvistika"* [Russian Journal of Linguistics: Vestnik RUDN. Linguistics], 2015, no. 1: Linguistics of emotions.
3. Vygotskiy L.S. Uchenie ob emotsiyakh [The Study on Emotions]. *Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 6* [Collected Works. In 6 vols. Vol. 6]. Moscow, Pedagogika Publ., 1984, pp. 92-318.

4. Izard K.E. *Psikhologiya emotsiy* [The Psychology of Emotions]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2000. 464 p.

5. Ilyin E.P. *Emotsii i chuvstva* [Emotions and Feelings]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2001. 752 p.

6. Losskiy N.O. Obosnovanie intuitivizma [The Intuitive Basis of Knowledge]. *Izbrannoe* [Selected Papers]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 13-334.

7. Morris Ch. Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the Theory of Signs]. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 37-89.

8. Shakhovskiy V.I. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Emotion's

Categorization in the Lexical System of the Language]. Moscow, URSS Publ., 2012. 208 p.

9. Sharonov I.A., ed. *Emotsii v yazyke i rechi: sb. nauch. st.* [Emotions in Language and Speech. Collection of Scientific Articles]. Moscow, RGGU Publ., 2005. 335 p.

SOURCES

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of Russian Language]. Available at: <http://ruscorpora.ru/>.

WAYS AND MEANS OF EXPRESSING DESPAIR IN THE RUSSIAN LANGUAGE WORLDVIEW

Andrey Evgenyevich Bochkarev

Doctor of Philological Sciences,

Professor, Department of Literature and Intercultural Communication,

National Research University "Higher School of Economics"

abotchkarev@hse.ru, bochkarev.andrey@mail.ru

Bolshaya Pecherskaya St., 25/12, 603155 Nizhniy Novgorod, Russian Federation

Abstract. This article explores the ways of displaying *despair* in the Russian language worldview. Emotional concepts can certainly be explored by the empirical rules of meaning, because if the words denote emotions, we can determine their meaning in relation to speaker's feelings. However, an intensional definition gives the meaning of words by specifying the way they should be used. There is a way that an emotion might be in the world as the language is.

According to the National Corpus of Russian language the propositional model includes information that in most familiar manifestations of despair *takes hold, masters* and even *kills*. In metaphorical projection it is determined in relation to the representatives of other subject areas, including calculated resource, the water flow or the living creature. By analogy with any resource, the despair *is collected*; by analogy with a water flow, it *spills* and *overwhelms*; by analogy with a living creature, it can *move* and *worry*. Furthermore, such use becomes so common, that the speakers no longer pay attention to metaphorical expressions like *surge of impotent despair* or *wave to overcome his despair* but take them at face value as an objective characteristic of despair. This way of displaying is compatible with the speaker's current knowledge. It is true in the world as they think it is.

Key words: language worldview, emotional concepts, corpus semantics, propositional model, metaphorical model.